

ЭО, 2010 г., № 5

© Е.И. Ларина, О.Б. Наумова

“КРАЖА – ЭТО ВЕЧНЫЙ НАШ ОБЫЧАЙ”: УМЫКАНИЕ НЕВЕСТЫ У РОССИЙСКИХ КАЗАХОВ*

Ключевые слова: российские казахи, формы заключения брака, умыкание без согласия девушки, умыкание с согласия невесты, сватовство, адат

В настоящее время российские казахи заключают браки как посредством сватовства, так и путем умыкания невесты. Казахи Поволжья и Западной Сибири умыкают девушку с ее согласия, а часто и с согласия ее родителей. Похищения без согласия встречаются у казахов Алтая. Это явление, бывшее в традиционном обществе нарушением обычного права, сегодня осознается народным сознанием как национальная традиция. В статье рассмотрены временная динамика и причины распространения умыкания невесты у казахов России.

“...– Не собираешься ли ты похитить мою единственную дочь?

– Я не против, – согласился дядя.

– Кто тебе ее рекомендовал?

– Саркис рекомендовал.

– И ты решил ее украсть?

Дядя кивнул.

Старик хлопнул в ладоши. Немедленно появилась Сирануш Бегларовна Терматеузова. ...

– Желаю вам счастья, – произнес Беглар, – не задерживайтесь. Погоню вышло минут через сорок. Мои сыновья как раз вернутся из бани. Думаю, они захотят тебя убить.

– Естественно, – кивнул Арменак. ...

Арменак и Сирануш растворились в облаке пыли. Через полчаса они сидели в шашлычной.

Еще через полчаса распахнулись двери и ворвались братья Терматеузовы. ...

– О, шакал! – крикнул старший, Арам. – Ты похитил нашу единственную сестру! Ты умрешь! Эй, кто там поближе, убейте его! ...

– Но мы любим друг друга! – воскликнула Сирануш.

– Вот как? – удивился Арам. – Это меняет дело. ...

– Лучше выпьем, – миролюбиво предложил Арменак...

С тех пор они не разлучались...”

С. Довлатов. Когда-то мы жили в горах

Елена Игоревна Ларина – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; e-mail: ei-larina@mail.ru

Ольга Борисовна Наумова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: olganaumova@mail.ru

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (“Казахи России: экономика, культура, религия”: гранты 09-01-00251 а и 06-01-1802е).

В 2006 г. на Басиловских чтениях в Институте этнологии был показан документальный фильм Петра Лома “Похищение невест” (Центральный европейский университет, 2004). Его автор проводил исследования обычая умыкания невест у киргизов, различные варианты которого отражены в фильме. В то время мы полагали, что у казахов такой формы заключения брака, как реальная кража девушки, т.е. умыкание без согласия невесты, уже не существует. Умыкание невесты по согласию с ней, иногда и по предварительной договоренности с родителями, действительно сегодня широко распространено среди казахов, случаев же реальных краж нам не встречалось. Но в том же 2006 г. мы отправились в Горный Алтай, и тема начала раскрываться со стремительной быстротой, давая богатый материал. Затем отдельные эпизоды были зафиксированы и в Поволжье, и в Западной Сибири¹. Сразу же стало очевидным, что фиктивное похищение (умыкание с согласия девушки) и реальная кража (умыкание без согласия девушки) – это два принципиально разных явления, и в современной жизни казахов встречается и то, и другое. Естественно, что в жизни существуют и промежуточные стадии между полным согласием и радикальным несогласием², и каждый конкретный случай надо рассматривать детально, вникая в нюансы поведения его участников. Например, случаи, когда с девушкой не было предварительной договоренности, но она была знакома с укравшим ее парнем и, поставленная перед фактом “кражи”, не возражала против замужества, мы отнесли бы к варианту фиктивного умыкания, так как фактически согласие девушки присутствует, и насилия над ее волей нет.

Кража невесты с ее согласия

В традиционном казахском обществе заключение брака путем похищения невесты существовало наряду со сватовством, хотя и было относительно редким явлением. В русских источниках наиболее ранние сведения о краже невесты можно найти у историка первой половины XVIII в. В.Н. Татищева (*Татищев* 1962: 388–389). Х.А. Аргынбаев рассматривает несколько вариантов похищения девушек с их согласия (*Аргынбаев* 1975: 71–72). Жених похищал засватанную им невесту, которую по каким-то обстоятельствам (например, отец нарушал условия первоначального сватовства) не мог получить другим способом. Таким образом, похищению предшествовало сватовство, и все стороны были уведомлены о правах жениха и согласны с ними. Были случаи похищения засватанной за другого девушки с ее согласия. Как писал в 1830 г. начальник Омской области генерал-майор Броневский, “в настоящее время беспрестанно случаются примеры, что просватанная в малолетстве девица, за которую и калым уже выплачен, убегает от родителей и выходит замуж по склонности” (*Броневский* 1830: 199). Изредка встречаются случаи умыкания непросватанной девушки с ее согласия, когда родители не соглашались на брак без калыма (*Жакипова* 1971: 55), т.е. ситуации, когда “стремление к духовной близости с женщиной пересиливало самые строгие запреты” (*Першиц* 1979: 219). Характерно, что эти варианты включали сватовство как необходимую норму при заключении брака – в первом случае сватовство предшествовало умыканию, а в других, если родители девушки прощали молодых, оно завершало похищение (*Аргынбаев* 1975: 76). Этим действием нарушение нормы как бы вводилось в русло традиции.

В настоящее время фиктивные похищения невест у российских казахов не связаны со сватовством. Обычно решение об умыкании принимают сами молодые, иногда ставя в известность родителей. Нередко жених заранее объявляет родителям о будущей краже, чтобы они успели подготовиться, девушки же зачастую стесняются предупредить своих родных. Иногда они могут сказать открыто или лишь намекнуть об этом младшей сестре или кому-нибудь из жен братьев. Опишем сценарий фиктивного умыкания невесты у омских казахов, который похож на таковые в других областях России, хотя и имеет свои особенности.

Как правило, после какой-нибудь вечеринки парень везет девушку к себе домой. Если родители парня в курсе его планов, то в доме уже все готово к встрече, и приглашены гости. “Украденная” девушка правой ногой переступает порог, парня и девушку обсыпают шашу (конфетами, баурсаками и проч.), мать или бабушка жениха накидывает ей на голову платок. Невесту усаживают за дастархан, причем на почетное место – тор. Это одна из особенностей умыкания невесты омских казахов. Информанты подчеркивали, что это – единственный раз, когда невестка может сидеть в торе. Больше ей этого не позволяют.

На следующий день посылают уважаемых людей из числа родственников жениха к родителям невесты просить прощения. От родных девушки отправляется делегация в дом жениха, спросить о ее согласии. Спецификой омского умыкания является так называемая “погоня” – обычай, который возник, по словам информантов лет 20 назад. Мы не встречали в других местах, чтобы приход родственников невесты в дом жениха оформлялся так четко и назывался “погоней”. Обычно в “погоне” участвуют младшие братья девушки, и жены ее старших братьев. Основная ее цель – выяснить, добровольно ли девушка “убежала”. Основная роль в переговорах отводится жене – жене брата. Она узнает, согласна ли девушка остаться в этом доме. Если да, то она желает молодым счастья, участников “погони” приглашают к столу, одаривают. Если родственники знают, что девушка ушла по своей воле, то “погоня” больше похожа на игру. Если же девушка не предупредила кого-нибудь из родных, то “похититель” опасается реального конфликта. Как сказал наш информант: “Погоня – не шутка, настроена серьезно, могут и окна побить”.

Девушка считается женой после проведения мусульманского обряда бракосочетания неке. “Если украли, сразу делают неке. И девушка живет как жена”, – уверяла нас старая казашка из с. Каскат Омской обл. Однако вполне вероятно, что неке могут делать и позже. Свадьбу же справляют много позже – уже после того, как стороны подготовятся к этому событию.

Кража невесты без ее согласия

Х.А. Аргынбаев выделяет несколько вариантов насильственного умыкания девушек в традиционном казахском обществе: кража собственной засватанной невесты без ее согласия, кража чужой засватанной невесты и, наконец, кража незасватанной девушки. Последний вариант может быть сравним с современными реальными похищениями, поэтому процитируем сведения Х.А. Аргынбаева по этому поводу: “Встречались такие факты, когда жигиты влиятельных феодальных аулов насильно похищали незасватанную девушку из менее состоятельной семьи. Подобные поступки считались тяжким преступлением, поэтому они всячески уговаривали девушку дать согласие на брак, посылая послов с богатыми подарками к родителям похищенной девушки. В случае согласия девушки, родители не особенно настаивали на ее возвращении, и, получая большой штраф и полный калым, благословляли молодых. В случае решительного протеста похищенной девушки, ее возвращали родителям, а виновные подвергались большому штрафу” (Аргынбаев 1975: 75). Затруднительно сказать, насколько такие случаи были типичны.

В настоящее время наибольшее число краж невест без их согласия зафиксировано нами в Кош-Агачском районе Республики Алтай. Реальные похищения девушек встречались нам и в Омской, Оренбургской и Саратовской областях, но скорее, как экзотическое единичное явление. Подробного описания умыкания без согласия практически не найти в русскоязычной литературе о казахах, поэтому позволю себе привести в деталях конкретный случай кражи невесты у алтайских казахов.

История А.А., 1974 года рождения, пос. Тобелер. Ее украли в 1992 г., когда ей было 18 лет. В то время она училась в Барнаульском институте культуры и летом приехала домой на каникулы. Ее украл одноклассник, с которым она “дружила” только

неделю и замуж за него не собиралась. Как выяснилось позже, он тоже не хотел жениться. Однако его старшая сестра не разрешила ему жениться на девушке, с которой он встречался. Для него “присмотрели” А.

Однажды они поехали на машинах с его друзьями и ее подружками в гости к его однокурснику в соседнее село Жана-Аул. Возвращались поздно, около 23 часов. Вопреки обещаниям, А. отвезли не домой, а сразу к его дому. Подруги были в курсе, но ее не предупредили. В доме жениха уже было все приготовлено, и ее вышли встречать женщины с платками в руках. Она испугалась, выходить из машины не хотела, плакала. Мать, сестры и другие родственники жениха стали вытаскивать ее из машины, затащили в дом и усадили в специально приготовленный угол за красные шторы. Она срывала платок, а они опять набрасывали его на голову. Так продолжалось часов пять. Она плакала, а ее уговаривали, по ее словам, “золотые горы обещали”. Обещали, что дадут закончить учебу. Грозили: “Если уйдешь – опозоришься”.

Когда она устала и немного успокоилась, под утро, пожилые женщины (“бабушки”) пошли к ее родителям сообщить, что девушка украдена, и просить прощения.

Через некоторое время пришли мать, тетя и бабушка А. Мать спросила: “Сама ли пришла?”, и какой-то друг жениха ее голосом ответил: “Сама пришла”. Ее в это время окружила молодежь, его друзья, и было шумно. Мать рассердилась: “Раз сама пришла, оставайся. Небось, каяться не будешь”. И ушли.

После этого все родственники жениха подходили к ней, обнимали и благодарили. Ее одели в заранее купленные новые вещи: черное платье с красными розами, розовую кофточку, черные сапоги-чулки, в общем, по последней моде; родители стали называть “балам” – “дитятко мое”. На голову накинули три платка и сверху белую шаль. Она сидела за шторой, которую через какое-то время убрали. В этой комнате все “гуляли”, ели и пили чай.

После обеда родственники жениха повезли в дом ее родителей три коржуна³ – “компенсационные” дары родителям и близким родственникам. Днем девушка ушла спать в другой дом, к его родственникам, а вечером опять вернулась на прежнее место, за красную штору в углу. Приходили гости, угощались, пили чай, уходили, приходили следующие и т.д. Все три дня она ночевала у родственников жениха. Свадьбу сыграли на пятый день. Через неделю она уехала продолжать учебу в Барнаул и вернулась лишь спустя полгода. Муж навещал ее в Барнауле дважды. Сейчас живут с мужем хорошо, имеют двоих детей.

Жених. В этой истории жених совершенно пассивен. Для него подобрали девушку, подходящую, по мнению его старшей и благополучной сестры, ему и семье. И это, видимо, типично. По словам наших информантов, умыкают “те парни, которые не умеют общаться с женщинами”, “не умеют ухаживать”. Они понимают, что не могут обеспечить положительный ответ девушки на прямо сделанное предложение, поэтому прибегают к таким методам. “Его спросят, кто тебе нравится? – Он укажет. А если вообще никого не знает, тогда ему находят”.

В роли похитителя выступают не только пассивные и робкие молодые люди, но и активные и даже агрессивные, которые умыкают понравившуюся им девушку, если знают, что она ответит отказом на предложение о женитьбе. Такие “женихи” сами подыскивают себе невесту. Бывают случаи, когда сын привозил девушку среди ночи, а в доме никто не был готов ее принять. Девушку надо было удерживать в машине, пока не будут сделаны элементарные приготовления.

Роль женской родни жениха. Как правило, подыскиванием невесты занимаются женщины. Однако, как говорят некоторые наши собеседницы, мать в этом не участвует, хотя, вероятно, и в курсе событий. Главные в этом деле – “снохи, жена старшего брата. По отцовской линии – жена дяди. То есть женщины находят. Мужчины в таком деле не участвуют”. Вероятно, женщины подговаривают и друзей жениха, договариваются с ними о времени кражи невесты, готовят все (платки, шаль, занавески, угоще-

ние и пр.) к этому времени. Характерно, что и просить прощения, как правило, идут тоже женщины. Таким образом, женщины становятся вдохновителями, организаторами и частично исполнителями похищения девушки для “пассивного” жениха.

Роль подруг. Подруги играют довольно неблагоприятную роль. Если мотивы действий женской родни жениха можно объяснить заботой о своем родственнике, то поведение подруг, на первый взгляд, кажется иррациональным и безнравственным. Жених и его друзья подговаривают их помочь им отвезти девушку поздно вечером или даже ночью к дому жениха так, чтобы она ничего не заподозрила. Без подруг этого сделать невозможно, так как девушка просто никуда бы не поехала.

После собственно кражи подруги сидят с девушкой за ширмой, вместе с родней жениха уговаривают ее остаться, помогают одеться, если она осталась, ночуют с ней и т.п. Возможно, поведение незамужних подруг объясняется некоторой инфантильностью, игровым азартом, непониманием сути происходящего. А., похищение которой мы описали выше, рассказывала, что ее подружки испугались, когда ее насильно вытаскивали из машины, и убежали, а ее мать потом их всех отругала. Следовательно, понимание неблагоприятности своих поступков все-таки присутствует.

Интересно, что сами украденные женщины потом участвуют в кражах своих же подруг, причем не испытывают психологического дискомфорта.

Бывает, что девушки разгадывают замысел друзей и под разным предлогом (например, “забыла утюг выключить”) останавливают машину. Так удалось избежать кражи Л.А. из Жана-Аула. Причем после неудачной кражи она сама предложила несостоявшемуся “жениху” найти ему невесту.

Если все же девушка уходит из дома “жениха”, то ее настоящий возлюбленный нередко женится на другой девушке, так как украденная девушка считается “побывавшей замужем”. А. рассказывала: “Но бывает, что тот из-за кого уходили, потом не женится. В основном подружки разлучают, говорят, что замужем была. В основном так говорят незамужние подружки. Некоторые от зависти – подружки разные бывают. Мужчины уже могут разлюбить, через два года молоденькие другие девушки”.

Такие представления характерны и для других среднеазиатских народов. Приведем отрывок из жизненной истории узбекской женщины. “3 сентября 1993 года была моя свадьба. Но замуж я вышла гораздо раньше – 17 июня меня украли. Но это было по взаимному согласию. Мой парень тогда не мог заплатить калым и договориться с моими родителями, потому что он был до этого женат и разведен... По обычаю, похититель должен сообщить о случившемся родителям девушки в тот же день. *Те, кто ворует не по согласию, сообщают на следующий день. Это делается для того, что, если невеста не согласна и чтоб ее не забрали обратно, она должна обязательно в этом доме переночевать. Это означает, что она провела ночь с мужчиной, хоть этого может и не быть* (курсив наш. – Авторы)” (Тохтаходжаева 2008: 191).

Невеста. Девушка в этой ситуации – жертва, которая подвергается насилию. Однако девушки, которых украли, видимо обладают определенным психологическим типом. Они пассивны, робки, послушны, для них значим авторитет старших и общественное мнение. Дело в том, что девушка, обладая решительным и твердым характером, имеет возможность выйти из этой ситуации. Одну из наших собеседниц в 1980-х годах два раза пытались украсть. В первый раз ей удалось сорвать с себя платок, убежать из дома “жениха” и уйти ночевать к живущим недалеко родственникам; а во второй раз она догадалась, что ее везут в другую сторону, и отказалась ехать дальше.

Девушка может также уйти в тот момент, когда приходит ее мать или другая родня, спрашивать, по своей ли воле пришла в дом “жениха”. Препятствие к этому – общественное мнение. Как уже говорилось, считается, что та девушка, которую украли, пусть она даже не провела ночь в доме “жениха”, уже побывала замужем. К тому же, по словам нашей собеседницы, молодой казашки из Чаган-Узуна, “если девушка уходит, т.е. ее забирают родители, то семья теряет авторитет”.

Если “жених” из авторитетной зажиточной семьи, то это также влияет на положительное решение девушки. Кстати сказать, если по уровню жизни семья жениха ниже, то жена впоследствии может стать инициатором развода с несостоятельным мужем: “У нее приданое огромное, а он не работает. Через год-два она его выгоняет. Иногда прямо выгоняют женщины” (Н., Жана-Аул).

Внешняя обстановка. Кражи девушек, как правило, происходят поздно вечером, ближе к ночи, что довольно ясно указывает на криминальный или, по крайней мере, антиобщественный характер этого явления. Действительно, трудно представить, чтобы крики и слезы девушки, сцены насильственного водворения из машины протекали на виду у соседей. Осуществление кражи ближе к полуночи – гарантия “ночевания” девушки. Но есть и отдельные случаи кражи среди бела дня: “Могут насильно схватить и затолкать в машину. Пошла доить корову, а через полчаса только ведро болтается”.

Важный момент похищения – накидывание на голову девушки платка и шали. Это действие считается обеими сторонами рубежом, после которого девушка считается женой. Поэтому девушки так стремятся сорвать платок, а сторона жениха упорно его накинуть и завязать. Только после того, как девушка перестает сопротивляться, посылают объявить ее родителям.

Ширма или занавески (у кош-агачских казахов обязательно красно-розового цвета) тоже обязательный атрибут. Обычно невеста на традиционной свадьбе у алтайских казахов должна сидеть в отдельной комнате за ширмой, поэтому наличие ее в доме “жениха” означает, что в доме происходит свадьба.

Уговоры. Психологическое давление. Сопrotивляющуюся девушку приходится несколько часов уговаривать. В ход идут и обещания, и угрозы. Обещают для каждой девушки свое (для А. важно было доучиться в институте). А угрозы для всех общие – позор для самой девушки и ее семьи (плохо воспитали дочь), “другого такого не найдешь”, “уйдешь – счастлива не будешь” и т.п., такие же угрозы слышит вслед девушка, которая решается уйти. Последними ее уговаривают наиболее пожилые женщины, которые вслед уходящей девушке даже посылают проклятия⁴.

Жительница Чаган-Узуна подчеркивала: “Считается, если девушка ушла, за порогом свое счастье оставила”. Такое же объяснение тому, почему украденная девушка должна остаться, мы слышали в с. Коянбай Омской области. Рассказ о случае неудавшегося умыкания без согласия девушки сопровождался комментарием, позволяющим понять отношение казахского общественного мнения к насильственным кражам девушек: “Потом эта девушка (убежавшая от “жениха”. – *Авторы*) гадала на кумалаках⁵, ей кумалаки говорят: “Ты замужем должна быть, это счастье твое было. Так эта девушка замуж и не вышла. Родила без мужа”. Таким образом, реальная кража оправдывается ссылками на судьбу, которой надо подчиниться. Показательна в этом плане поговорка, бытующая у казахов Каракалпакии, которая применяется в подобных ситуациях: “Биринши бахыт – бахыт” – “Первое счастье – счастье”.

Реакция родни девушки. Родители девушки бывают недовольны кражей (у кош-агачских казахов – даже в случае сговора жениха и невесты). В любом случае они должны спросить у дочери, по своей ли воле она переступила порог этого дома. Хотя наши информанты говорили о родителях вообще, но во всех конкретных случаях получалось, что спрашивать о согласии дочери шла мать и другая женская родня. Отец высказывал в зависимости от ситуации искреннее или наигранное недовольство. Впоследствии отец не приходил на свадебный той в доме жениха, а знакомился с ним и его родней спустя несколько месяцев, а иной раз и после рождения первенца.

Причины реальных и фиктивных похищений невест в настоящее время. Прежде чем анализировать причины существования у казахов кражи невесты, попробуем понять, когда это явление приняло общественно-значимые масштабы. В записях казахских адатов XIX в. содержатся описания наказаний, следуемых за умыкание девушки, которое рассматривается как преступление. Таким образом, очевидно, что

случаи умыкания, не являлись нормой, каковой тогда считалось сватовство, а были, по остроумному определению А.И. Першица “клапаном, регулирующим эмоциональный перегрев в обществах с деспотической структурой семьи и куплей-продажей невест” (Першиц 1982: 121–122), и в качестве такого клапана, использовались в дореволюционное время нечасто. Видимо, так же обстояло дело и в 1920–1940-е годы.

Ситуация с заключением брака стала меняться в послевоенное время: “Раньше не было такого (кражи), с рук давали (т.е. сватали). Где-то в сороковые годы после войны начали красть невест. В Чагане в основном без согласия” (Чаган-Узун, Кош-Агачский р-н). В Оренбуржье отмечали, что в послевоенный период умыкали по сговору: “Нет денег, не на что гулять. Дочерей украли. Потом помирились. Куда деваться? Последнюю сноху украли (т.е. сын также украл жену. – *Авторы*). Сын сказал, что невесту привезет (т.е. украдет. – *Авторы*). Мы барана зарезали, давай чаевать” (К.Д. 1928 г.р. Оренбургская обл.). Подобные рассказы мы слышали не раз от других. Помимо сватовства и умыкания в это время появилась и минималистская форма заключения брака: экономическая разруха, бедность, в чем-то послевоенный либеральный дух создали ситуацию, когда жених и невеста по обоюдному согласию просто шли в отдел ЗАГС и регистрировали свой брак, игнорируя все досвадебные и свадебные обряды.

Реальные кражи, т.е. похищения против воли девушки, по мнению наших собеседников из Кош-Агачского района, где они наиболее распространены, значительно участились в конце 1970-х годов. Нами зафиксированы конкретные браки, в которых невеста была украдена таким способом в 1977, 1978, начале 1980-х, 1984, 1986, 1990-е годы. По словам нашей собеседницы, в первой половине 1990-х годов уже “всех крали”, т.е. был всплеск реальных похищений. С начала 2000-х годов ситуация несколько изменилась. Если в поселках “в большинстве случаев – насильно воруют”, “в основном силой захватывают”, то в районном центре Кош-Агач невест стали больше красть по договоренности⁶. В отношении общества к насильственным похищениям произошли некоторые изменения. Девушки стали более свободны в выборе того, оставаться ли им или уйти. И хотя мнение о том, что украденная девушка побывала замужем, остается, но этот “позор” девушек уже меньше пугает. Причем могут уйти и не сразу, а через дня два-три. Таким образом, время бытования реальных похищений у казахов на Алтае – это 1980-е – 1990-е годы, причем пик таких похищений пришелся на первую половину 1990-х. Отметим, что в это же время браки заключались и через сватовство, и умыканием по согласию невесты, однако похищения без согласия, видимо, настолько численно возросли, что стали заметным общественным явлением.

Что касается Поволжья и Западной Сибири, то, по сведениям информантов, реальные кражи невест здесь случались в конце 1960-х – 1970-е годы, но сейчас практически не встречаются. Основными формами заключения брака у казахов в этих регионах стали сватовство и умыкание с согласия невесты, которое, как сказано выше, получило широкие масштабы, начиная с послевоенного времени. Каково точное соотношение этих двух форм, сказать трудно, мнения наших собеседников по этому вопросу расходились. Одни уверяли, что сейчас больше сватают, другие констатировали: “Крадут очень часто”. Скорее всего, существует тенденция к уменьшению случаев умыкания невест, хотя фиктивные кражи сегодня все еще не редкость.

Хотя отсутствие статистики не позволяет делать безоговорочных выводов о динамике умыканий, некоторую тенденцию можно заметить. В советское время просматриваются периоды, в которые умыкание происходило особенно интенсивно, и связано это было в первую очередь с ухудшением социально-экономических условий: трудное послевоенное время и период социально-экономических реформ второй половины 1980-х – начала 1990-х годов. Можно предположить, что к таким же периодам относятся и явное обнищание в период коллективизации, однако это только наше предположение, респонденты в силу отдаленности этого времени об этом не говорили.

Наши предположения о периодах возрастания числа умыканий, сделанные по материалам о кражах у российских казахов, подтверждаются южноказахстанскими данными. В 1992–2001 годах С. Вернер проводила опрос в г. Туркестане и нескольких селениях Южного Казахстана, где собрала сведения о формах заключения брака с 1946 по 2000 гг. В середине 1940-х годов умыкания невест составляли 40%, после чего их число неуклонно снижалось вплоть до начала 1960-х годов (25%), а затем стало увеличиваться: в 1970-е годы до 44 %, в 1980-е до 65%, и в 1990-е до 71% (*Werner 2004: 83*). Таким образом, зафиксированные С. Вернер всплески умыканий приходится на послевоенный период (середина 1940-х) и 1990-е годы. По ее данным, число умыканий по согласию среди всех типов умыканий постепенно снижалось, а число похищений со “средним и минимальным” согласием возрастало. В 1990-х среди умыканий 35% занимали умыкания “высокого уровня согласия”, 47% “среднего” и 18% “минимального”. Эти цифры, замечает автор, “соответствуют ощущениям населения, что процент похищений без согласия растет” (*Ibid: 83–84*). Описанная ситуация с умыканиями в Южном Казахстане соответствует той, что мы наблюдали среди кош-агачских казахов. У казахов же Поволжья и Западной Сибири среди всех браков умыканием подавляющую часть составляют кражи по согласию, и тенденции к росту реальных похищений не прослеживается.

Опубликованный материал по современной Киргизии, на наш взгляд, также может быть сопоставим с ситуацией в Кош-Агачском р-не Республики Алтай. Опросы, проведенные Р. Клейнбахом, показывают, что 50% киргизских женщин были похищены, из них две трети без согласия (*Kleinbach 2003: 108–128*; цит. по *Kleinbach, Salimjanova 2007: 218*). Каждая пятая женщина, похищенная без согласия, предварительно не знала своего похитителя (*Kleinbach et al. 2005: 195*; цит. по *Kleinbach, Salimjanova 2007: 218*). В одном из исследованных сел частота похищений без согласия увеличилась с 30% (для женщин, вышедших замуж в середине 1990-х), до 60% (для женщин, вышедших замуж в настоящее время) (*Ibid: 191–202*). Авторы полагают, что если эту динамику спроецировать на начало 1920-х годов, то очевидно, что в досоветский период случаи похищения без согласия были редки (*Kleinbach, Salimjanova 2007: 218*).

Помимо экономических трудностей несомненно, что социальным фоном для похищений невест как с согласия, так и без него, явились в самом общем плане процессы модернизации всех сфер жизни казахов, развития образования и информированности молодежи, и в связи с этим – постепенного ослабления патриархальности общества в целом и авторитарности в семейных отношениях.

Причины фиктивного умыкания. Современное фиктивное умыкание, с точки зрения развития форм заключения брака у казахов, можно считать переходной формой от брака по договоренности родителей к браку по договоренности самих вступающих в брак (*Коновалов 1983: 134*). В этом смысле характерно, что браки посредством сватовства, в которых большая роль отводится родителям, в современный период стали интенсивно оттесняться широко распространившимися фиктивными умыканиями, которые совершаются по инициативе молодых. С большей самостоятельностью молодежи связана и одна из причин “кражи” по согласию, которая действовала еще в традиционном обществе: “крадут” если не согласны родители той или другой стороны. В наши дни несогласие родителей расценивается как жестокость, общество оценивает такую позицию отрицательно, и даже старейшины таких родителей осуждают.

Часто свое решение “украсть по согласию” молодые объясняют тем, что не хотят ждать, пока долгая процедура сватовства, а затем еще более долгий период подготовки к свадьбе приведут к возможности жить вместе. (Как сказал оренбуржец Ж., делая в 1970-х годах предложение своей избраннице, “Давай не будем канителиться.”) Это также свидетельствует об определенной автономности молодых, о том, что современное казахское общество признает их право ставить свои потребности выше желания

родителей, иногда настаивающих на сватовстве и полной свадьбе по причине их престижности.

Самая распространенная причина современного фиктивного умыкания – экономическая. Заключение брака посредством сватовства обходится гораздо дороже, чем в случаях “кражи”. Часто сами родители, желая сэкономить на свадебных расходах, не возражают, чтобы сын “украл” невесту. “Крадут из экономии. Если невеста убежала, уже свадьбу не сделаешь (т.е. избежишь расходов на свадебный той в доме родителей невесты. – *Авторы*)” (Жанбек, 1964 г.р., с. Байбек Астраханской обл.). Этот же собеседник рассказывал, во сколько ему обошлась собственная свадьба: “Я сватался в 1989 г. Назначили день сватовства. Поставили шатер. Подарки – водка, коньяк, вино, шампанское, домашние сладости. Калым 1000 руб. Свадебное платье, фату, колечки я купил. Кийит⁷ – подарки сватым. Сейчас калым 20000 руб.⁸”. Так же рассуждают и казахи Омской области: “Крадут часто. Для экономии средств. Родители сами могут сказать, чтобы девчонка убежала”; “Когда воруеть, намного дешевле, калым можно не платить, да и свадьбу можно не делать – все равно девушка у нас” (с. Каскат Омской обл.). А расходы на свадьбу и здесь значительные. Так, в семье Раисовых из с. Артакшил дочь сватали; жених родом из Петропавловска. Были взаимные поездки сватов: оттуда приехали в Артакшил 30 человек, из Артакшила в Петропавловск отправились 35 человек. Сваты везут многочисленные подарки, их в ответ тоже богато одаривают. Для сватов устраивают пышное угощение *кудалык* с приглашением многочисленных одноаульцев. Потом устраивается свадьба и в доме невесты (у Раисовых было 70 человек), и в доме жениха. За дочь они калым не просили. Но когда женился их сын, они дали в калым две лошади и 10 тыс. рублей. “Кража” невесты, по словам омских информантов, позволяет уменьшить эти расходы, по крайней мере, в два раза. Можно обойтись без калыма (приданое дают в любом случае), сократить количество подарков, а свадьбу в этом случае устраивают только на стороне жениха.

Так же рассуждают и казахи Каракалпакии. Если невесту сватать, то заранее нужно приготовить деньги на калым (около 2 тыс. долларов) и свадебные расходы, а если девушку украсть, то эту сумму можно растянуть на 2–3 года. Существует выражение “*Карызыланып катын ал, катынын калар пайдага*” – “Возьми жену хотя бы в долг, она останется для твоей пользы” (а долг потом отдашь).

Однако отношение к свадебным тратам очень сильно отличается у казахов Поволжья и Западной Сибири, с одной стороны, казахов Алтая, с другой. Кош-агачские информанты настаивали, что для них экономические соображения не играют никакой роли при похищениях девушек. Весь комплекс значительных по деньгам даров с той и другой стороны, а также приданое сохраняются полностью. Казахи Горного Алтая вообще склонны к большим тратам, которые сопровождают все этапы свадебного цикла при любой форме заключения брака. Кстати отметим, что материальной основой такого подхода стало повальное увлечение кредитами. Многие банки имеют прекрасную клиентуру в этом регионе с массовой безработицей. Кредиты берут охотно и много. (На наших глазах приглашали на свадьбу людей, не имеющих никакого родства с семьями, в которых играли свадьбу, а в качестве подарка им заказали кухонный гарнитур!) Кредиты хоть и сложно, но отдают, покрывая их главным образом за счет продажи скота на мясо.

Казахи западных областей России сдержанно относятся к тратам на свадебные подарки, поэтому в этих регионах наши респонденты подчеркивали реальную экономическую выгоду в случае похищения невесты. Безусловно, в каждом конкретном случае проявляется также степень материального благополучия той или иной семьи.

Факторы реальных краж девушек. Похищения девушек без их согласия характерны сегодня именно для кош-агачских казахов. Похоже, что казахи западных областей России прошли эту стадию лет 20–30 назад, поэтому важно для понимания существования реальных краж увидеть специфику социального развития алтайских

казахов. По переписи 2002 г., в Республике Алтай насчитывается 12,1 тыс. казахов, подавляющее большинство которых проживает в Кош-Агачском районе – изолированном и труднодоступном месте. Район занимает Чуйскую степь, попасть в которую можно по единственной дороге – Чуйскому тракту, через высокогорные плато Укок и Аргут. От районного центра пос. Кош-Агач до ближайшего города Горно-Алтайска 560 км. В силу изолированности от основного этнического массива, относительно небольшой численности и наличия иноэтничного окружения кош-агачские казахи сформировались в сплоченную, обладающую рядом этнокультурных особенностей группу. Практически все знают друг друга, если не непосредственно, то через родственников и знакомых. Поддерживает сплоченность группы и совместное участие кош-агачских казахов в традиционных обрядах, как, впрочем, и ее сплоченность способствует сохранению традиций. Все эти факторы послужили тому, что кош-агачские казахи сохранили некоторые традиционные (даже архаические) черты быта, давно исчезнувшие в других местах расселения казахов. Кроме того, развитие некоторых обрядов пошло у них своим своеобразным путем. Вероятно, именно более резкие противоречия между традиционализмом и патриархальностью группы, с одной стороны, и процессами модернизации, которые резко подрывают патриархальные устои, с другой, породили здесь более заметный всплеск реальных похищений девушек.

Прежде всего, активное бытование умыкания невест стало возможно и в силу значительного ослабления авторитета старшего поколения и родителей. Раньше ответственность за заключение браков детей лежала на отце. Сегодня при реальных похищениях отцы оказываются как бы в стороне. На первый план выходит мать или гораздо чаще – женская родня “жениха” (сестры и женге). Родители сегодня пассивно принимают такое положение вещей, которое в патриархальном обществе не только осуждалось, считалось оскорблением всего рода девушки, но и каралось по адату. Единственное, что могут родители – забрать девушку, рискуя при этом подвергнуться общественному осуждению (мол, какую непослушную дочь воспитали). Случаев возбуждения уголовных дел – единицы (нам рассказывали о замятых делах такого рода в 1970–1980-е годы). Такое стремление решить сложный вопрос внутри своей группы в целом свойственно кош-агачским казахам. Очевидно и то, что родители, у которых украли дочь, сами же допускают кражу невест своими сыновьями, и поэтому также идут на компромисс.

Одна из причин падения авторитета старших – это распространение пьянства среди казахов, начавшееся с конца 1970-х годов и особенно усилившееся после перестройки, в начале 1990-х годов, когда многие потеряли работу⁹. Среди мужчин пьянство было распространено больше, что, конечно, не способствовало сохранению авторитета “отцов”. Ответственность за семью и детей в большей степени легла на “матерей”. А так как женская родня традиционно была активна в проведении обрядов (но не сватовства, не в заключении брака), то к ней перешла и функция устройства женитьбы “сыновей”. В семье с сильным авторитетом матери и сестер с их стороны возникает естественное желание “пристроить” сына-брата пока приглянувшаяся девушка свободна (смотрят и на положение ее семьи в обществе), или же решить главный вопрос жизни в период, когда жених только вернулся из армии, чтобы он сразу же остепенился.

К вопросу о пьянстве добавим, что и “женихи”, и их друзья во время похищения бывают в той или иной степени пьяны, так как кражи очень часто совершаются после вечеринок или других праздничных застолий, которые не обходятся без спиртного. По киргизским материалам, 32% мужчин перед похищением “умеренно” выпили, а 19% выпили “чрезмерное” количество алкоголя (*Handrahan* 2004: 220).

Если “отцы” и перестали быть авторитетом для “сыновей” и утратили патриархальную власть над ними, то “дочери” еще не настолько самостоятельны и независимы, чтобы не считаться с мнением семьи. Таким образом, условия для насильственной

кражи невест сложились при разложении патриархальных устоев семьи, когда молодые мужчины уже вышли из власти родителей, а девушки еще нет.

В то же время еще не до конца сформировалась такая форма общения между юношами и девушками, при которой можно было бы свободно обсуждать планы будущей женитьбы. Конечно, казахская молодежь в Кош-Агаче общается между собой, некоторые пары “дружат”. Но, по-видимому, часть молодых людей не включена в круг общения, а мир девушек и мир юношей в некотором смысле замкнуты и отделены друг от друга. Продолжают существовать барьеры и в общении взрослых с молодежью, родителей с детьми. Может быть, это в наибольшей степени касается связи “отец-сын”. Приходилось слышать, что сыновья зачастую стесняются говорить с родителями о женитьбе, и именно поэтому вместе с друзьями (группой сверстников, которые теперь являются для них авторитетом) крадут девушку, что бывает неожиданностью для семьи.

Существенную роль в бытовании насильственных краж играет общественное мнение, которое традиционно очень сильно. Во-первых, оно поддерживает создание семьи как одну из главных жизненных ценностей. Жизнь без семьи и детей считается несчастьем, что в данной ситуации руководит поведением и юношей, и девушек. Во-вторых, общественное мнение традиционно терпимо относится к подчиненному положению женщины, и в неоднозначных случаях становится на сторону мужчины, осуждая женщину за “недостойное” поведение, к примеру, за ночь, проведенную в доме мужчины, не завершившуюся замужеством. А социальные оценки людей много значат и существенно влияют на индивидуальное поведение. Выше уже говорилось о том, какие оправдания реальных похищений формируются в обыденном сознании (“от судьбы не уйдешь”). Добавим, что сторона жениха всячески старается приуменьшить насильственный характер краж девушек без их согласия. Приходилось, например, слышать от сестры “жениха”, укравшего 17-летнюю школьницу, что ее брат “был писанный красавец, в которого невозможно не влюбиться” и “любая была бы счастлива выйти за него замуж”.

Видимо, нельзя скидывать со счетов общую криминализацию общества, усилившуюся как раз в 1990-е годы, на которые и пришелся пик реальных краж. Период экономических реформ повлек за собой массовое утверждение девиантного поведения, чувства вседозволенности и безнаказанности¹⁰. Тогда же в молодежной среде сформировался культ “крутых парней”, в “подвиги” которых логично вписывались и похищения невест. Те же причины роста насильственных похищений среди казахов Южного Казахстана – экономическую и правовую нестабильность постсоветского периода – видит С. Вернер (*Werner 2004: 88*).

– Там 5 или 6 девушек.

– Судьба решит. Мы схватим одну из них.

– Когда?

– Через час или два. Собери мальчишек. Мы готовы идти за ней. У нас есть деньги и машина...

– А вдруг она не понравится?

– Я найду другую... Если девушка отказывается, мы берем другую. Если ты отказываешься, мы возьмем твою подругу. Мы покажем себя. Мы сильные”

П. Лом. Похищение невест (этнографический фильм, 2004)

Умыкание и право: нарушение нормы превращается в традицию

В современном народном сознании, в обыденном представлении кража невест (как реальная, так и фиктивная) – это не просто традиция, а древняя традиция, “вековой обычай” казахов. Примечательно, что такое же мнение сложилось и у киргизов, которые считают, что умыкание без согласия – это “наша традиция”, одобряемая адатом (*Kleinbach, Salimjanova 2007: 219*). Так ли это на самом деле? Была ли прежде такая

традиция? Ответить на этот вопрос помогут этнографические наблюдения и анализ материалов обычного права и законодательства советского периода, на который приходится ломка прежних традиций и конструирование новых.

Материалы обычного права, фольклор, всевозможные литературные и этнографические свидетельства убеждают, что умыкание являлось нарушением традиции заключения брака, маргинальным поведением, в отношении которого общество выработало карательные меры, закрепленные в обычном праве, например: “Побеги по тайному уговору жениха и невесты, или увоз невесты женихом считается нарушением правового обычая, влекущим за собою весьма чувствительную репрессию. Вообще, возбуждение дела о побеге дочери зависит исключительно от ее отца, который может простить ее, обратиться к суду биев, или же порвать всякие сношения с бежавшей, увезшим ее родом и родом увезшего. Последнее вызывает родовую вражду между родами бежавших и приводит к нескончаемым барантам¹¹, искам и служит поводом для возбуждения уголовных дел” (Материалы 1886: 246).

Прежде за похищением невесты, как правило, следовала межродовая рознь. Угроза барымты, возможных жертв играла сдерживающую роль, и похищения невест были делом скорее исключительным, нежели нормой. Умыкание девушки без согласия родителей считалось тяжким преступлением и каралось по адату. Кстати заметим, что хотя шариат и запрещал кражу невесты, но сохранял возможность брака по принуждению¹². Однако у казахов наказание следовало по адату, нормы которого имели для них большее значение, нежели законы шариата¹³.

Одна из ранних записей обычного права казахов российскими чиновниками относится к 1824 г. Она содержит такую норму: “п. 200. Ежели сын, или дочь, быв уже помолвлены, вступит в супружество с другими без ведома родителей своих, таковых придают смерти, но когда сын, или дочь, первый ни у кого еще не сватал, а последняя тоже еще не была просватана, таковым позволено сочетаться и самовольно, отцы же из сожаления к ним решаются между собой калымом и платят 32 лошади, две калмычки, одного верблюда и одну лошадь лучшую, да за бесчестие по самовольству от родителей со стороны сына полагается 9-ть лошадей разных сортов и одна лучшая лошадь; ежели платить им будет нечем, то плату производят по исправе”. Положение Комитета по киргизским (казахским. – *Авторы*) законам вносит поправку: “Первое, т.е. предание смерти отменить, а за самовольство и бракосочетание без ведома родителей, предоставить виновных наказывать умеренно сына плетью, дочь розгами, а последнее начтет еще не помолвленных оставить решением по Киргизскому обыкновению” (Материалы 1824: 66).

В дальнейшем нормы предписывали, что похитивший непросватанную девушку обязан на ней жениться с выплатой больших штрафов и калыма родителям девушки. Если девушка уже была засватана за другого, то укравший ее или же родители девушки обязаны были также компенсировать невесту несостоявшемуся жениху одной, а то и двумя девушками (Материалы 1871: 179–180).

Для обычного права казахов при рассмотрении таких дел было в первую очередь важно, что умыкание совершено без согласия родителей девушки. Именно такие дела считались преступлением. Затем изучалось: засватана была девушка или еще нет, украл ли похититель собственную невесту или чужую – от этого зависели размеры штрафов и наказаний. Согласие же самой девушки не принималось во внимание. Насильственный увоз девушки с согласия родителей не считался нарушением адата.

Советский период с модернизацией всех сфер жизни и, как следствие, ломкой традиций привнес много нового в традиционную жизнь народов СССР. Свободный от мнения родителей и социума выбор брачного партнера становился нормой советского общества, менялись устоявшиеся взгляды людей, психология отношений. Снижалась роль мнения старших и авторитетных людей, как бы олицетворявших “старый быт”, разрывались связи внутри традиционных социальных институтов.

Государство активно создавало новое социалистическое право. Самые ранние декреты кардинальным образом меняли всю правовую базу общественных отношений. Уже в 1921 г. был принят “Декрет о принуждении женщин к супружеству”, статья 1 которого гласила: “Кто из корыстных или иных каких-либо личных видов принудит женщину выйти замуж вопреки ее воле и согласию, наказывается заключением в дом лишения свободы на срок до пяти лет” (*Кенжалиев, Даулетова* 1993: 97–98). Наказание за нарушение запрета “куна, калыма, принуждения женщины к супружеству и многоженству” было закреплено Уголовным кодексом РСФСР в 1922 г. (Там же: 127). Смена социальных отношений, настоящая борьба за “раскрепощение женщин”, следствием которой становился ее выход за пределы дома – на работу, учебу, общественные собрания, просто прогулки, большая личная свобода, отказ или невозможность традиционного общества, рода защищать ее приводили ко многим личным трагедиям: “Если до 1931 г. в системе преступлений, составляющих “пережитки патриархально-родового быта”, подавляющее большинство – нарушения запрета калыма, то в период 1933–1937 гг. на первое место выходит вступление в брак с лицом, не достигшим половой зрелости или брачного возраста. Наблюдается также рост изнасилования малолетних” (Там же: 139).

В дальнейшем лишение свободы за похищение женщин или девушек для вступления в брак постоянно подтверждалось законом – Уголовным кодексом РСФСР 1926 г., Уголовными кодексами Казахской ССР¹⁴. Новые законы не учитывали мнение родителей, а лишь согласие или несогласие самой девушки. Принуждение к вступлению в брак со стороны родителей, не являвшееся нарушением традиции по адату, современными законами расценивается как преступление. Возможно, это привело к постепенному уменьшению количества браков, совершаемых по договоренности родителей, т.е. посредством сватовства, которое фиксирует С. Вернер (с 45% в середине 1940-х до 6% к концу 1990-х) (*Werner* 2004: 82–83). Они уступают место умыканию по договоренности и реальным кражам. Таким образом, хотя закон декларировал защиту прав девушек, но на практике с 1970-х годов количество реальных краж начинает расти как в Кош-Агаче, так и в Южном Казахстане. Идеологическим оправданием этого обычая стало широко распространенное мнение, что кража невесты – казахская традиция.

Можно предположить, что причина этого в следующем. Адат перестал играть какую-нибудь роль в жизни народа. Местной же национальной интеллигенцией, юристами, историками и этнографами умыкание трактовалось как пережиток, как “старая традиция”, с которой надо бороться. Пережиткам было посвящено немало разоблачительных работ, в их числе клеймились и кражи девушек. Вот, к примеру, одна из красноречивых цитат.

“Еще до конца не искоренено такое позорное явление, как хищение девушек. Правда, умыкание модернизировано – похищенных увозят не на лошади, а на автомобиле. Нередко виновниками “хищения” оказываются родители, которые хотят получить калым за свою дочку. Молодые вынуждены уходить из дома тайком, чтобы избежать участия в этом обычае. Отраднее то, что различные случаи умыкания девушек или девочек, как правило, не остаются без наказания.

В выдаче замуж несовершеннолетних известную роль играют женгетай (свахи), которые за дары берут на себя организацию увоза или похищения девочек. Мы считаем, что женгетай, отравляющие жизнь молодежи, должны нести суровое наказание за свои действия как перед лицом общественного мнения, так и перед законом, не только как соучастники, но и как организаторы преступления”. Далее автор обвиняет общество в либерально-примиренческом отношении и утверждает, что для борьбы с пережитками нужны средства принуждения, следует добиваться активности казашек и разрабатывать новые обряды (*Сарсенбаев* 1974: 162–163).

Укреплению мнения, что умыкание есть народная казахская традиция, а не ее нарушение, во многом способствовал период социально-экономических реформ второй по-

ловины 1980-х – начала 1990-х годов. После распада СССР во время становления независимых государств советские общественные нормы стремительно разрушались, а новые еще не были выработаны. Происходила потеря социальной ориентации, нарушение правовых норм, девиантное поведение стало повсеместным и тотальным. В этих условиях полузабытые произвольно трактуемые обычно-правовые нормы регулировали социальные связи между людьми. Таким образом, маргинальное становилось магистральным.

Если даже голову разбили, то ведь она же под шапкой.

(Казахская пословица)

Умыкание и мораль: отношение общества к краже невест

Можно утверждать, что для современного казахского общества (подчеркнем, для общества в целом, а не девушки) стало практически неважным – как украдена девушка. Потому что в случае фиктивного умыкания искренний или игровой гнев родни, всевозможные компенсационные подарки, возбужденная увлеченность друзей – все это легализует, возводит в традицию такое умыкание. Для случаев же реальной кражи общество все равно не выработало действенного механизма наказания за такой проступок. Несмотря на существование уголовной ответственности, обозначенной в законе, подобные проступки предпочитают замалчивать или решить дело “по обычаю” (естественно, речь идет не об адате, а о том, чтобы не доводить дело до суда).

Как это происходит, показывает яркий пример, правда, относящийся не к казахским реалиям, а к соседней Каракалпакии. В Узбекистане в последние 15 лет создана система шелтеров – так называемых “убежищ”, для женщин, подвергшихся насилию, в том числе домашнему. Эти шелтеры предоставляют медицинскую помощь, временное жилье, помощь в устройстве на работу, и всячески стараются оказать юридическую помощь. Как раз последнюю осуществить труднее всего. Одна из сотрудниц шелтера в Нукусе поделилась такой историей: подвыпившие ребята предложили подвезти двух подружек домой, но привезли одну из девушек в дом к молодому человеку, которому она приглянулась. Последовало насилие. Девушка и ее мать обратились за помощью к нашей приятельнице – было проведено медицинское освидетельствование, оказана психологическая помощь, составлено заявление и подано в органы полиции и суд. В тот же день к семье пострадавшей пришли родители насильника с уговорами не портить ему жизнь и решить дело миром, то есть сыграть свадьбу. Девушка отозвала заявление. Состоялась свадьба по всем правилам, с многочисленными подарками и угощениями, “улица гуляла”. Через две недели был оформлен развод. Все остались довольны. Семья девушки тем, что она побывала замужем и не была опозорена. Ведь изнасилованная девушка – позор рода, их смерть еще не так давно была предпочтительнее выяснения отношений с обидчиком. А здесь свадьба была сыграна, после развода девушка получила даже свою долю имущества. Теперь она разведенная женщина без детей, что во многом даже развязывает ей руки в личной жизни. Молодой человек тем самым сохранил свою личную свободу – и от тюрьмы, и от семейных уз.

Хотелось бы подчеркнуть и тот нюанс, что следствием “освобождения” женщин и постепенно утверждающегося гендерного равноправия стало лояльное отношение общества к женщинам-“разведенкам”¹⁵. Это изменение ситуации и создало в данном случае возможность решить уголовное дело “по обычаю”, но без дальнейшего изменения совместной жизнью.

Что дальше?

Причины и условия, обусловившие современное существование реальных краж невест, не остаются стабильными. Происходящие уже сегодня изменения приводят к трансформации этого сформировавшегося обычая. Происходит неуклонная эмансипа-

ция девушек. Как следствие, все чаще кража не заканчивается замужеством, девушки перестают рассматривать уход из дома псевдожениха как несмываемое пятно на репутации и трагедию жизни. В Кош-Агаче есть такие, которых похищали три раза, им три раза удавалось уйти. Ясно, что за смелостью девушки стоит не только изменившаяся в советское время общественная мораль, но главным образом поддержка родителей. Важно, что родители девушек также стали мыслить иначе, они желают им в первую очередь личного счастья и готовы принять ее обратно в родительский дом. А ведь не так давно неудачное замужество объясняли исключительно виной самой женщины. Все еще сохраняясь, такое отношение родителей проявляется все реже.

Изменяется возраст выхода замуж. Если в начале 1990-х, как правило, женились до 20 лет, и даже наблюдалось снижение возрастной планки, то теперь часто женятся после 24–25 лет. Очевидно, что украсть восемнадцатилетнюю девушку легче, чем двадцатипятилетнюю. Повышение возраста вступления в брак, помимо общих причин, связано с большим престижем высшего образования у казахов. Образованная невеста стоит выше в глазах общественного мнения; но если молодой человек украдет не окончившую вуз девушку, то ему, а точнее, его родителям придется платить за ее учебу. Иногда родители отговаривают сыновей жениться, просят подождать, пока девушка закончит учебу, чтобы материальные затраты на ее образование и содержание не ложились на их плечи. Уровень образования мужчин также влияет на существование реальных краж. У киргизов среди тех, кто считает их “варварским обычаем” подавляющее большинство с высшим образованием (*Handrahan* 2004: 220). Повышение этого уровня, надо надеяться, уменьшит количество похищений.

Все это приводит к тому, что последние годы число реальных краж перестало расти, а, возможно, стало падать. Напротив, увеличивается доля браков, заключающихся казахами умыканием по договоренности. По форме они остаются кражами, но по существу – это принципиально иное явление. Однако, как это часто бывает, форма, которая уже стала традиционной, соблюдается при любом содержании, порождая комические ситуации. Так, во время нашего пребывания в Кош-Агаче состоялась свадьба мужчины и женщины, которые уже давно жили в гражданском браке и имели детей. Однако женщина должна была уйти на день в другой дом, и муж-жених ее оттуда “украл”, после чего свадебный обряд совершался своим ходом.

Что касается умыкания по согласию, то и тут увеличение возраста девушек, выходящих замуж, приводит к уменьшению их количества. Все собеседники в Поволжье и Западной Сибири подчеркивали, что девушки “убегают по молодости”. “Если девчонка убегает – нормально. Если уже после 20 лет – стыдно”. Этим объясняют тот факт, что краж становится меньше: “Девушка с образованием не согласится, чтобы ее воровали. Когда образование не было в цене, больше воровали” – рассказывал наш респондент из с. Каскат Омской обл.

Стабилизация положения к концу 1990-х годов, рост национального самосознания, экономического благополучия и вместе с ними возрождение представлений о престижности вновь сделали актуальным институт сватовства. Казашка А. из Байбека Астраханской обл. заметила: “С середины 1990-х стали опять сватать. Ждать три месяца”. (В последних словах еще раз подтверждается причина живучести фиктивного умыкания невесты.) Все пожилые казахи и казашки подчеркивали, что для старшего поколения предпочтительнее, когда брак заключается посредством сватовства. Сватовство подчеркивает уважение к родителям, в то время как уход дочери, особенно без предупреждения, вызывает у них чувство открытой или затаенной обиды. Говорят и о пользе для молодежи обряда сватовства: “Если молодые дружат, то все равно лучше с рук. Когда с рук, то более официально, по-божески, благословили как бы. Какой-то стыд у молодых будет (т.е. постыдятся разводиться. – *Авторы*)” (Жайдара Б., Джазатор Кош-Агачский р-он); Г.Д. из с. Алтынжар Астраханской обл. очень тонко подметил этот смысл свадьбы через сватовство: “Свадьба устанавливает родство ро-

дов, а не просто соединились два человека. Редко кто разводится – столько сказано на свадьбе, столько сделано – ребята мудрее станут”. Однако вполне вероятно, что и сватовство не останется неизменным, постепенно сократившись по времени, расходам и обрядам, и станет элементом новой формы заключения брака, при которой решение принимают молодые, сообщая об этом родителям.

В мае 2009 г. мы подали на конференцию по казахам России, проходившую в Омске, доклад с названием «“Кража – это вечный наш обычай”: умыкание невест у российских казахов». Совершенно неожиданно для нас такой вариант названия вызвал бурное обсуждение с обвинением нас в “европейском” взгляде на восточные традиции, закончившееся требованием изменить это название. Наши оппоненты утверждали, что невест у казахов не крадут, а всегда сватают. А ведь первая часть названия – это слова одного из наших многочисленных респондентов, рассказывавших об умыкании невест по сговору или реально при помощи этих двух слов “кража невест”. Никто и нигде во время наших полевых исследований не использовал и не предлагал другого названия¹⁶. Более того, никто не стеснялся этого выражения, подразумевая под ним, конечно же, умыкание по сговору, которое всегда заканчивалось счастливой и веселой свадьбой. Если же речь шла о случае реальной кражи, так иначе ее и не назовешь. Это подвело нас к еще одному немаловажному выводу о том, что на протяжении второй половины XX в. сформировалась новая традиция умыкания невест по сговору (в случае реальной кражи мы говорим не о традиции, а о нарушении закона, которое при счастливом исходе обставляют элементами традиции), а вот старые категории и понятия языка не успевают за развитием новых отношений между людьми. Старое словосочетание “кража невест” приобрело новое содержание. Поэтому мы с полным удовлетворением назвали настоящую статью: «“Кража – это вечный наш обычай”: умыкание невесты у российских казахов».

Примечания

¹ Полевые исследования, на материалах которых основана статья, проводились у российских казахов в Оренбургской (2006 г.), Астраханской (2007 г.), Саратовской (2008 г.) и Омской (2009 г.) областях, а также в Кош-Агачском р-не Республики Алтай (2006 г.). Для сравнения использован материал, собранный Е.И. Лариной в Узбекистане (2008 г.).

² Некоторые исследователи выделяют “уровни согласия” девушки: слабый, средний и сильный (Werner 2004: 83–84).

³ Когда-то переметные сумы. В наши дни так называют мешки из-под муки или сахара килограммов на 50, которые заполняют подарками.

⁴ Вот угрозы, которые слышит киргизская похищенная девушка: “Она не будет счастлива замужем”, “Будет голодать”, “Ее сын будет пьяницей, а свекровь будет жестокой” (из фильма Петра Лома “Похищение невест”, 2004).

⁵ Катышки (овечьего помета), на которых гадают. В настоящее время кумалаками служат зерна фасоли. Кумалакши – гадальщик.

⁶ Об умыкании по сговору с невестой среди кош-агачских казахов и этапах свадьбы в этом случае см.: Коновалов 1983: 130–136.

⁷ Подарки одеждой от родственников жениха родственникам невесты.

⁸ В 2007 г. на эти деньги можно было купить дойную корову или лошадь.

⁹ Об экономической ситуации в Кош-Агаче, обострившей проблему пьянства в 1990-е годы см.: Ларина, Наумова 2008: 47, 63.

¹⁰ О ситуации 1990-х годов и возрождении традиционных институтов и норм обычного права см.: Ларина, Наумова 2006.

¹¹ Каз. *барымта* – набег с целью угона скота у обидчика по особым поводам: для возмещения ущерба от воровства, убийства, отнятия невесты, дочери, жены и т.п.

¹² Для заключения брачного договора шариат требует соблюдения четырех условий, одно из которых звучит так: “Жених и невеста должны быть согласны на брак, а не принуждены к нему. Однако если невеста внешне и проявляет отвращение, но “в душе согласна”, брачный договор признается верным” (*Таба-табаи*: вопр. 2379; цит. по Керимов 1978: 92).

¹³ Это высказывание может показаться неточным. Известно, что нельзя полностью отождествлять мусульманское право с шариатом. В шариате сведены в единую систему законы, регулирующие хозяйственную жизнь, нормы морали и этики, мусульманские обряды, праздники и прочее, определяющее поведение верующих и порядок жизни всей мусульманской общины. Его источниками являются Коран, сунна, кияс (аналогия), иджма (согласованное мнение крупных правоведов и богословов), фетвы, адаты (традиции, обычаи арабов и других народов, исповедующих ислам). Но следует помнить, что адат только тогда является источником шариата, когда не противоречит Корану и сунне (См.: Керимов 1978). В случае с казахскими традициями и нормами такое противоречие существует, поэтому мы противопоставляем обычное право казахов шариату.

¹⁴ Например, ст. 106 УК Казахской ССР 1975 г. гласит: “Похищение женщины вопреки ее воле или принуждение не достигшей брачного возраста к вступлению в фактические брачные отношения – наказывается лишением свободы на срок до трех лет” (Уголовный кодекс 1976: 73).

¹⁵ Отметим, что адат предоставлял право как мужу, так и жене расторгать брак по причине “нерасположения” мужа к жене или жены к мужу, “усиливаемое другими дурными свойствами” (Материалы 1846: 91). По данным И.В. Стасевич, развод был известен южным казахам, но не практиковался (Стасевич 2007: 197–198, 211–212).

¹⁶ К этому подталкивает и казахский язык. Умыкать девушку по-казахски *қыз алып қашу*, или *қыз ұрлау*. Если глагол *алып қашу* переводится дословно: “схватив убежать, то *ұрлау* – воровать, похитить (Русско-казахский словарь 1981: 462). Казахи Каракалпакии называют умыкание “келинды тусирип алу” – дословно: снять (с повозки, с коня) невесту.

Литература

- Аргынбаев 1975 – Аргынбаев Х.А. Семья и брак у казахов. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Алма-Ата. 1975.
- Броневский 1830 – Броневский. Записки о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. СПб., 1830. Ч. 43. № 124.
- Казахи 1995 – Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995.
- Кенжалиев, Даулетова 1993 – Кенжалиев З.Ж., Даулетова С.О. Казахское обычное право в условиях советской власти (1917–1937 гг.). Алматы, 1993.
- Керимов 1978 – Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978.
- Коновалов 1983 – Коновалов А.В. Эволюция свадебной обрядности казахов Южного Алтая // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Сб. научных трудов. Омск, 1983.
- Ларина, Наумова 2006 – Ларина Е.И., Наумова О.Б. Народное самоуправление у казахов Оренбургской области // Вест. Евразии. Acta Eurasica. М., 2006. № 4 (34).
- Ларина, Наумова 2008 – Ларина Е.И., Наумова О.Б. Кош-агачские казахи-мигранты // Вест. Евразии. Acta Eurasica. М., 2008. № 2 (40).
- Материалы 1824 – Материалы по казахскому обычному праву и положения на них Омского временного комитета 1824 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948.
- Материалы 1846 – Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновниками Оренбургской пограничной комиссии в 1846 г. // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948.
- Материалы 1871 – Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные военным губернатором Тургайской области Л.Ф. Баллюзек в 1871 году // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948.
- Материалы 1886 – Материалы по казахскому обычному праву, опубликованные Семипалатинским областным статистическим комитетом в 1886 году. Сост. П.Е. Маковецкий // Материалы по казахскому обычному праву. Сб. I. Алма-Ата, 1948.
- Перици 1979 – Перици А.И. Проблемы нормативной этнологии // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- Перици 1982 – Перици А.И. Похищение невест: правило или исключение? // Сов. этнография. 1982. № 4.
- Русско-казахский словарь 1981 – Русско-казахский словарь / Под ред. Г.Г. Мусабаева. Т. 2. Алма-Ата. 1981.

- Сарсенбаев* 1974 – *Сарсенбаев Н.С.* Обычай, традиции и общественная жизнь. Алма-Ата, 1974.
- Стасевич* 2007 – *Стасевич И.В.* Социальный статус казахской женщины: традиции и современность // Центральная Азия: Традиция в условиях перемен. Ч. I. СПб., 2007.
- Таба-табаи* – *Таба-табаи Бурруджеру Хусейн.* Рисале товзих аль-масаид. Изд. 4-е. Тегеран. Б.г.
- Татищев* 1962 – *Татищев В.Н.* История российская. Т. 1. М.; Л., 1962.
- Тохтаходжаева* 2008 – *Тохтаходжаева М.* XX век глазами женщин Узбекистана. Ташкент, 2008.
- Уголовный кодекс 1976 – Уголовный кодекс Казахской ССР (Официальный текст с изменениями и дополнениями на 1 сентября 1975 года). Алма-Ата, 1976.
- Handrahan* 2004 – *Handrahan L.* Hunting for women: bride-kidnapping in Kirgызstan // International Feminist Journal of Politics. 6:2. June 2004.
- Kleinbach* 2003 – *Kleinbach R.* Frequency of non-consensual bride kidnapping in the Kyrgyz Republic // International Journal of Central Asian Studies. 2003. Vol. 8, № 1.
- Kleinbach et al.* 2005 – *Kleinbach R., Ablezova M., Aitieva M.* Kidnapping for marriage (ala kachuu) in a Kyrgyz village // Central Asian Survey. 2005. Vol. 24. № 2.
- Kleinbach, Salimjanova* 2007 – *Kleinbach R., Salimjanova L.* Kyz ala kachuu and adat: non-consensual bride kidnapping and tradition in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2007. Vol. 26. № 2.
- Werner* 2004 – *Werner C.* Women, marriage, and the nation-state: the rise of nonconsensual bride kidnapping in post-Soviet Kazakhstan // The transformation of Central Asia: states and societies from Soviet rule to independence. N.Y. 2004.

E.I. Larina, O.B. Naumova. “Capture is Our Everlasting Custom”: Bride Kidnapping among the Russian Kazakh

Keywords: Russian Kazakh, forms of marriage, consensual bride abduction, non-consensual bride abduction, matchmaking, Adat

Presently, marriages are made among the Russian Kazakh both through matchmaking and bride abduction. The Kazakh of Povolzhie and Western Siberia kidnap the bride with her consent, and often upon the consent of her parents. Non-consensual abductions are encountered among the Altai Kazakh. This phenomenon, which had been considered a breach of the common law in the traditional society framework, today is conceived of as a national tradition in the popular imagination. The article discusses the temporal dynamics and causes of the spreading of bride kidnapping among the Kazakh of Russia.